

ИРИНА А. СКАЛАБАН¹

Новосибирский государственный технический университет, Россия
ORCID: 0000-0002-8380-1947

ЮРИЙ С. ЛОБАНОВ²

Музей Новосибирска, Россия
ORCID: 0000-0003-1982-5558

ЗОЯ Н. СЕРГЕЕВА³

Новосибирский государственный технический университет, Россия
ORCID: 0000-0003-4296-2008

СВЕТЛАНА Ю. ВОЛЧЕНКО⁴

Новосибирский государственный технический университет, Россия
ORCID: 0000-0002-0108-2162

«Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска

- 1 Скалабан Ирина Анатольевна — доцент, доктор социологических наук, научный руководитель Лаборатории городских исследований Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета. Научные интересы: общественное участие, социальные конфликты и конвенции, городские изменения, городские конфликты, городские сообщества, конфликтная мобилизация, оборонительные сообщества. E-mail: skalaban_i@mail.ru
- 2 Лобанов Юрий Сергеевич — кандидат философских наук, пресс-секретарь Музея Новосибирска. Научные интересы: общественное участие, социальные конфликты и конвенции, городские изменения, городские конфликты, городские сообщества, городские сети и коммуникации, теория и практика медиакоммуникаций. Email: lobanov-y@mail.ru
- 3 Сергеева Зоя Николаевна — доцент, кандидат социологических наук, начальник управления информационной политики Новосибирского государственного технического университета, исполнительный директор эндаумент-фонда НГТУ. Научные интересы: социология коммуникаций, электоральный PR, интегрированные маркетинговые коммуникации. E-mail: z.sergeeva@corp.nstu.ru
- 4 Волченко Светлана Юрьевна — старший преподаватель кафедры Социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета. Научные интересы: социальные технологии, гендерные конфликты, городские конфликты, межсекторное партнерство, социальная экономика. E-mail: yurkova@corp.nstu.ru

Резюме:

В статье предпринята попытка теоретического и эмпирического анализа возникновения и развития городского конфликта через концепты триггеров, триггерных ситуаций и критического эпизода (Л. Болтански, Л. Тевено) на материалах конфликтов Новосибирской городской агломерации последних десяти лет. Источником послужила созданная авторами геоинформационная база данных, содержащая структурированное описание более 200 случаев городских конфликтов. Триггер представлен как сложный механизм, способствующий обострению напряжения (триггер риска), манифестированию и/или эскалированию конфликта. Триггер формируется только тогда, когда инициируемая адресантом ситуация изменения будет воспринята адресатом как угроза, что создает условия для смены способов действия горожан и режимов вовлеченности. Морфологический анализ триггеров в контексте разворачивающегося конфликта позволил выделить несколько режимов формирования триггеров: инвестиционный, институциональный, нормативный, ценностный. Доказано, что в современном городе в условиях активных изменений наиболее конфликтогенерирующими являются триггеры инвестиционного типа, а наибольший триггерный потенциал свойственен первым шагам по выводу проекта в публичную сферу, его манифестированию. Однако анализ связи между характером триггера и исходом конфликта показал, что конфликты, вызванные именно триггерами инвестиционного типа, имеют более высокую вероятность урегулирования, а частные инвесторы гибче в выполнении требований протестующих, чем органы власти, особенно если не опираются на безусловную поддержку последних. Это не отменяет важную проблему — низкое качество принимаемых решений в сфере конфликторегулирования. Лишь незначительная часть акторов стремится к установлению эквивалентности — большая часть конфликтов оканчивается полной победой одной из сторон либо отменой проекта в пользу протестующих.

191

Ключевые слова: город, публичный конфликт, триггер, эскалация, манифестация, исход конфликта, геоинформационная база данных

Irina A. Skalan¹

Novosibirsk State Technical University, Russia

- 1 Skalan Irina Anatolyevna — Associate Professor, Doctor of Sociology, Scientific Supervisor of the Urban Research Laboratory, Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University. Research interests: public participation, social conflicts and conventions, urban change, urban conflicts, urban communities, conflict mobilization, defensive communities. Email: skalaban_i@mail.ru

Yuri S. Lobanov¹

Museum of Novosibirsk, Russia

Zoya N. Sergeeva²

Novosibirsk State Technical University, Russia

Svetlana Y. Volchenko³

Novosibirsk State Technical University, Russia

‘The Level of Fears Is off the Scale!’: Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study)

Abstract:

This article represents a comprehensive study of transition peculiarities from a latent stage to the open demonstration of conflict, drawing on the concepts of base trigger, trigger situation, and crucial episode (L. Boltanski, L. Thévenot). The trigger situations of urban conflicts were studied on the broad empirical material of the Novosibirsk urban agglomeration over the last decade. The research authors created a geoinformation database containing a structured description of more than two hundred cases of urban conflict. The trigger is presented as a complex mechanism that contributes to the aggravation of tension (risk trigger) or the manifestation and/or escalation of conflict, which can be launched only when the addressee perceives the situation of change initiated by the addresser as a threat — which, in turn, creates the conditions for changing of actions, order of involvement and register. This opens up opportunities for influencing and managing the situation of change. A morphological analysis of triggers of the unfolding conflict made it possible to identify several groups determined by investment, institutional, normative, and value regulations. In a modern actively changing city, the investment-type trigger was empirically shown to be the most conflict-generating, with the first steps of project publicizing and proclamation having the greatest trigger potential. However, an analysis of the relationship between the nature of the trigger and the outcome of

192

-
- 1 Lobanov Yuri Sergeevich — Candidate of Philosophical Sciences, Press secretary of the Museum of Novosibirsk. Research interests: public participation, social conflicts and conventions, urban change, urban conflicts, urban communities, urban networks and communications, theory and practice of media communications. Email: lobanov-y@mail.ru
 - 2 Sergeeva Zoya Nikolaevna — Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Information Policy Department of the Novosibirsk State Technical University, Executive Director of the NSTU Endowment Fund. Research interests: sociology of communications, electoral PR, integrated marketing communications. E-mail: z.sergeeva@corp.nstu.ru
 - 3 Volchenko Svetlana Yuryevna — Senior Lecturer, Department of Social Work and Social Anthropology, Institute of Social Technologies, Novosibirsk State Technical University. Research interests: social technologies, gender conflicts, urban conflicts, intersectoral partnership, social economy. E-mail: yurkova@corp.nstu.ru

the conflict showed that conflicts caused in particular by the investment-type triggers have a higher probability of settlement. As a rule, private investors are more flexible in meeting the demands of the protesters than the authorities, especially if the investors do not rely on the unconditional support of the authorities. This does not negate the important issue of the poor quality of decision-making in conflict regulation. Just a few conflict actors aim to fix the balance, which is why only a small part of the conflicts ends with the search for a compromise; mostly the conflicts end with a complete victory of one of the parties or the cancellation of the project in favor of the protesters.

Keywords: city, public conflict, trigger, escalation, manifestation, outcome of the conflict, geoinformation database

Введение

Город по мере «урбанистического сдвига» продуцирует не только беспрецедентное в истории человечества число социальных, экономических и технологических инноваций, но и становится эпицентром многообразных конфликтов. Их характерная особенность — многослойность и пересечение в одном физическом пространстве разномасштабных локальных, городских, региональных, федеральных и даже международных интересов и репрезентаций пространства, что порождает противоречия и провоцирует появление многообразных форм конфликтования — от мирных до насильственных. Такие конфликты запускают процессы выхода за пределы однотипных недифференцированных «практических моментов», «принимаемых как должное» [Boltanski 2009: 102], и стимулируют рост критических действий горожан. Они ресурсозатратны, слабо предсказуемы и, в случае потери контроля над ситуацией, могут оказать негативное влияние на развитие города, отдельных территорий и благополучие населения. При современных информационных технологиях все социальное пространство города потенциально может стать полем битвы между соперничающими акторами политических и экономических отношений, которые соревнуются за поддержку и лояльность горожан [Bhavnani et al. 2019]. Поэтому направленное воздействие на конфликт не может ограничиваться монополией на насилие в городской среде и контролем за легитимностью. «Уход» горожанина в менее публичные режимы, «локальные ремонты» и «корректировки» [Boltanski 2009: 63-64] лишь нейтрализуют конфликт, часто превращая его в «холодный», давая шанс проявиться в ином месте и в иное время.

Между тем, будучи производной от жизни города, социального мира, в который горожанин погружен, конфликт особенно активно проявляет себя в условиях интенсивных изменений в городской

среде: реализации инфраструктурных проектов, усиления миграционной мобильности и иных трансформациях, затрагивающих образ жизни, значимые ценности и традиции горожан. В этом случае он ставит на паузу «прагматический регистр» жизни горожанина, вовлекая его в новые несвойственные опривыченному миру практики.

Важный этап на этом пути — поиск ответа на вопрос: как и при каких обстоятельствах происходит «смена регистра» с прагматического на метапрагматический и из рутинных практик горожан, их «молчаливого согласия» в кругу вещей, которые «принимаются как должное» [Thévenot 2014], возникает открытый конфликт с городской или локальной повесткой? Что становится тем самым «спусковым крючком», который запускает сам процесс конфликта и обуславливает смену режимов вовлеченности? И здесь мы видим уместность обращения к термину, редко используемому социологами, — *триггер*.

Цель статьи — предложить концептуализацию сложного механизма возникновения городского конфликта, роли и сущности событий, запускающих переход вовлеченных в повседневные отношения горожан к конфронтационным способам решения проблемы, их влияния на характер протекания и исход городских конфликтов.

194

Что такое триггер конфликта?

«Триггер» как научная категория фигурирует в широком диапазоне исследований конфликтных взаимодействий — от межличностного до международного уровня. Однако он остается, пожалуй, наименее теоретически проработанным элементом социального конфликта. Между тем термин «триггер» отнюдь не нов. Двести лет назад он уже использовался в журналах по механике для обозначения спусковых механизмов инженерных конструкций [Скалабан и др. 2022]. Однако в социальных науках представление о триггере начало формироваться через осмысление реакции на то, что для субъекта стало вызовом или провокацией. Одним из первых этот термин использовал Чарльз Кули для описания эмоциональной реакции субъекта, не требующей значимого повода для ее осуществления [Colley 1897]. Но уже в ранних работах исследователей чикагской социологической школы триггерными характеристиками, выраженными в эмоциональной реакции на раздражитель, наделялась не только личность, но и сообщество. Так, Роберт А. Вудс отмечал способность соседских сообществ подобно общественному разуму продуцировать триггерные (импульсивные) реакции [Woods 1914], а Роберт Парк указывал, что местные ассоциации, созданные на основе спонтанной организации соседей, — это структуры, существующие именно с целью выражения этих «местных чувств» [Park 1915].

В настоящее время «триггер» представляет собой междисциплинарную категорию. На пересечении социологической и психологической традиций триггер интерпретируется как раздражитель, который провоцирует изменение эмоционального состояния субъекта и/или активизирует поведенческие изменения [Boysen 2016; Юмашев 2018]. Важно, что, в отличие от противоречий или причин конфликта, триггер непременно имеет внешнее выражение, проявляется через события или действия, вызванные ожиданием/предчувствием событий [Herbert 2017]. В то же время триггер можно определить как внешнее эмоциональное проявление причинности, однако сам по себе он причиной не является и причину не раскрывает, а скорее только обозначает ее, выступает ее катализатором. Похожим образом триггер интерпретируется и в сфере управления. Это возможность управления проектами, продуктивного изменения влияния триггерных событий на отношения или поведение сотрудников в организации, в частности, восприятие ими справедливости [O'Neill et al. 2017]. Более овеществленно триггер обозначен в политологическом дискурсе [Дейк 2013]. Здесь он определяется «как устное или письменное высказывание представителей власти, вызывающее острую негативную реакцию общественности и СМИ и имеющее прагматическую организацию» [Руженцева и др. 2020].

195

Ориентируясь на представленные подходы, можно опереться на достаточно устоявшуюся в научном плане структуру триггера: актора, запускающего (инициирующего) триггер (*адресант*), воспринимающего (*адресата-реципиента*), *интенции* (или направленного непосредственного или опосредованного действия разной степени рациональности) и *реакции* со стороны реципиентов (в случае города — горожан, общественников, представителей органов власти, бизнес-структур, СМИ). Важно учитывать, что весь этот механизм начинает работать, и интенция (заявления, действия или отказ от действий) вызывает острую негативную реакцию реципиента только тогда, когда затрагивает его ценности, интересы или потребности и разворачивается в *триггерную ситуацию*, способную при определенных условиях перейти в инцидент [Скалабан и др. 2022].

К таким типам триггерирующих интенций специалисты в области политической лингвистики относят «триггеры-мнения» — суждения, транслируемые чиновниками, депутатами и иными лидерами мнений; «триггеры-предложения» — умозаключения вероятности от государственных лиц и индивидуальные и групповые «триггеры-реакции» на мнения и предложения [Руженцева и др. 2020]. Публичный триггер может выражаться в виде острых провокативных ситуаций и может быть направлен на получение конкретной эмоциональной реакции от широкой аудитории [Еременко и др. 2021].

Конфликт является не обязательной, но вероятной реакцией на триггер и без триггера состояться не может. Это позволяет нам обозначить следующее, сложившееся в традиции критического анализа понимание этого явления: триггеры конфликта — это внезапно срабатывающие факторы, случившиеся или предполагаемые события, иные неожиданно происходящие изменения, которые вызывают резко негативную реакцию акторов, «запускают» конфликт либо переводят конфликт в активную фазу, продвигают его в сторону эскалации, стремясь тем самым «отменить» или смягчить последствия нежелательных изменений для акторов.

Критические способности и критический момент. Расширение концептуальных рамок

196

По всей видимости, главный мотив российских исследований городского конфликта сегодня — конструирование теоретических рамок его анализа. Потребность в его комплексном осмыслении в контексте городских изменений показывает определенное смещение внимания с субъектов конфликтных отношений — городских движений [Клеман 2013; Блинкин и др. 2018], городского активизма [Печенков и др. 2021] — к городским конфликтам как целостному явлению. При всем многообразии апробируемых концептуальных рамок почти все они опираются или содержат в своем основании метаконцепт «пространство», позволяющий соединить в той или иной интерпретации важные компоненты: акторов, их позиции, иерархии, структурные характеристики конфликтных взаимодействий и ресурсы. В попытке уловить одновременно структуру и изменчивость, динамизм формирующихся альянсов и противодействий, конфликтные пространства наделяются свойствами связанных арен [Jaspeg 2015; Желнина и др. 2021], полей [Флигстин и др. 2022], городских режимов [Mossberger et al. 2001; Бедерсон и др. 2021], «сцен» [Тевено и др. 2013], событий [Тыканова и др. 2022].

В процессе уточнения границ конфликта исследователи фиксируют его «начало», связывая с «корнями», которые темпорально могут быть весьма удалены [Желнина и др. 2022]. Но как устроен процесс перехода к открытому конфликту? Что побуждает конфликт случиться здесь и сейчас?

Определенные наброски схем такого перехода, имеющих потенциал для рефлексии, видятся в нескольких подходах: концепции критической способности прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански и теориях поля Н. Флигстина, Д. Макадама.

С точки зрения Л. Тевено и Л. Болтански, в момент осмысления разногласия «человек, понимающий, что что-то не так, редко хранит

молчание. Чаще всего он не оставляет свои чувства при себе». Это понимание означает для человека невозможность жить так дальше и стремление обозначить проблему [Тевено и др. 2013]. Проявление этого недовольства временно и вариативно, в диапазоне от «сцены» до «спора». Имманентно оно содержит в себе триггерную ситуацию: раздражитель и реакцию на него и трансформируется в «критический момент — это тот самый момент, когда разногласие становится очевидным» [Тевено и др. 2013: 74]. Различия — в степени легитимации реакции на раздражитель. Сцена — спонтанный процесс обмена в режимах критики и оправдания может принимать разные формы, начиная с пререканий и заканчивая насилием, в отличие от спора, который представляет собой правовой процесс. Важный аспект: акторы, ориентированные на достижение конвенции, стремятся к эквивалентности, координации действий, что ориентирует их на выбор по возможности и «с учетом личностной и локальной подоплеки» [Тевено и др., 2013: 69] стратегии «спора», с присущей ей системой объективированных правил.

Со своей стороны, Н. Флигстин и Д. Макадам скорее фокусируются на осмыслении связи между интерпретацией дестабилизирующих изменений, осуществляемых игроками и приводящих к конфликту, а также имеющихся у них представлениях о его развитии как возможности или серьезной угрозе. «Коллективное отнесение события к угрозам или возможностям само по себе не означает начала спора», — отмечают они. Для этого требуется, чтобы те, кто увидел их, располагали организационными ресурсами, необходимыми для поддержания и мобилизации действия, чтобы усилилось взаимодействие, включающее использование инновационных и ранее запретных правил и форм коллективного действия [Флигстин и др. 2022].

Конструируя момент перехода к конфликту, оба подхода расширяют возможности понимания этого процесса, акцентируя внимание на вариативных и интерпретативных аспектах действий. Однако конструирование процесса перехода к открытому публичному конфликту возвращает нас к проблеме выделения и описания его механизма. В этом плане «триггер» как концепт востребован, если конфликт осмысливается через динамические характеристики и необходимо понимание связи между событием/изменением и реакцией на него в перспективе всего конфликта, если весь конфликт или конфликтные эпизоды есть пролонгированный или периодически воспроизводимый критический момент. В силу того, что вычленить весь диапазон триггеров и триггерных ситуаций для публичного конфликта или его событийной компоненты на уровне города часто бывает непросто, считаем перспективным опереться на эмпирический материал города, способного относительно регулярно производить конфликты.

Стратегия и методы исследования

Для осмысления места триггера в городском конфликте представляются перспективными линзы прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански, а также городской морфологии [Bhavnani et al. 2019]. Им свойственно внимание к ситуациям, «в которых привычный порядок вещей подвергается сомнению или критикуется» [Тевено и др. 2013], к формам существования города и собственно городского конфликта, процессам трансформации пространственных и структурных характеристик. Ориентация на достижение прагматического результата — изменений в исследуемой среде — и составляет предмет их анализа, что позволит определить подходящие инструменты влияния на конфликт.

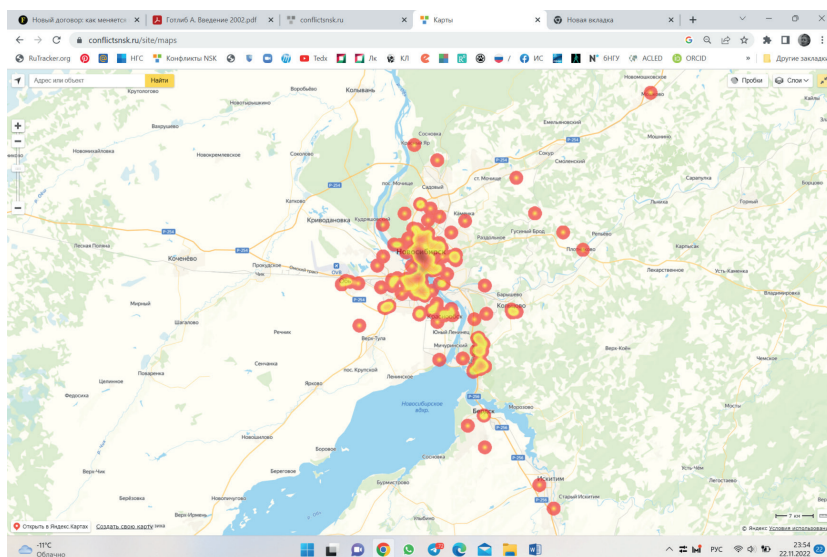
Объект эмпирического исследования — городские конфликты Новосибирска, крупнейшего муниципального образования России. Ему свойственны как типичные проблемы крупных городов мира (высокая миграционная мобильность, дефицит территорий, загрязнение, активные снос и застройка), так и проблемы, характерные для периферийных российских миллионников (недофинансирование, ограниченная самостоятельность местных органов власти в принятии решений). Это — город-миллионник с высокой конфликтной, протестной активностью и живым гражданским обществом. В отличие от многих крупных городов России он не имеет четкой экономической специализации, поэтому в нем представлены конфликты, которые генерируются проектами разных экономических сфер. Все это позволяет рассматривать Новосибирск как модельный город в плане состояния и перспектив развития городских конфликтов, что подтверждают и аналитики: Новосибирску последних лет (2015–2020 гг.) свойственен конфронтационный городской режим с высокой степенью политической конкуренции и нефрагментированным бизнесом [Бедерсон и др. 2021].

Эмпирической базой исследования стала Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (<https://conflictsnsk.ru>), разработанная авторами статьи (рис. 1). Ее наполнение осуществляется с помощью геокодирования случаев городских конфликтов. В базе фиксируются выявленные ситуации с признаками конфликтов, которые по укрупненной схеме можно описать: конфликт/общая характеристика = триггер/реакция + событие + событие + ... + акторы, включая сообщество, сформировавшееся в конфликте или вовлеченное в конфликт (при наличии). Каждый из выделенных компонентов дифференцируется еще по ряду оснований, среди которых объект, повестка, позиции, формы репрезентации, исход конфликта и пр. [Скалабан 2021]. На момент загрузки данных для настоящего исследования в базе имелись кейсы разной

степени наполненности по 217 конфликтам, структурированные описания 385 составляющих их событий за последние десять лет. Сведения по каждому из конфликтов в открытых источниках существенно различаются по полноте данных, что затрудняет их сравнение по всем компонентам, особенно таким, как стоимость проекта, ставшего триггером конфликта (для тех ситуаций, где это было уместно), уровень резонанса конфликта. В конфликтах выделен 191 триггер.

Рисунок 1. Тепловая карта конфликтов Новосибирской агломерации 2011–2022

Fig. 1. Heat map of the of conflicts in the Novosibirsk agglomeration 2011–2022

199

Случаи конфликтов методом качественно-количественного контент-анализа медиатекстов, социальных сетей с применением информационной автоматизированной системы мониторинга Scan-interfax.ru и сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей (Popsters)¹. Исследуемая совокупность постов выделялась в социальной сети «ВКонтакте» (VK). Это обусловлено: популярностью использования площадки (возросла активность авторов, количество публикаций достигло 50 млн в день); ее «раз-

1 Вопреки устоявшимся представлениям, что социальные сети отражают всю городскую событийность, анализ сети VK показал, что из 172 конфликтов, прошедших проверку на присутствие в социальных сетях, 21% (35 из 172) конфликтов, появившихся в СМИ, в этой социальной сети не обсуждается.

воротом» в сторону формирования комьюнити, дискуссионной площадки, пространства воспринимающих конфликт¹.

Триггеры городских конфликтов: проявление и логика эскалации

Если отталкиваться от концепции триггера, то ситуация возникновения городского или локального публичного конфликта может выглядеть так: будучи «спусковым крючком» предстоящих изменений в пространстве и времени, триггер проявляется либо в виде открытых публичных событий (презентации проекта, начала строительных работ, премьеры спектакля или открытия выставки, общественной акции) или изменений, происходящих в городской среде. Они попадают в поле зрения потенциального актора, способного инициировать конфликт, непосредственно через его участие в событиях или опосредованно, через новости, документы, слухи, изменение режимов пользования, доступа к инфраструктуре.

В том и другом случае, чтобы стать конфликтом, событие интерпретируется горожанами, его потенциальными акторами, как угроза изменения городского пространства или снижения качества жизни. Чаще всего это происходит тогда, когда нарушается привычный порядок действий, исключается усвоенный способ его прежнего/желаемого использования или требуется переопределение собственников давно «присвоенного» пространства или ресурса. Случившееся событие позволяет акторам-адресатам осознать меру риска для актуальной ценности/ресурса — от ограничения использования до его полной потери и, возможно, даже обозначит сроки, в которые это может произойти. Но это осознание как изменение режимов вовлеченности редко происходит одновременно, поскольку событие приобретает триггерные свойства не тогда, когда оно случилось, а когда оно было воспринято как проблемное, выраженное в стремлении к отказу или сопротивлению. Таким образом, неопределенность поступков и действий присуща обеим сторонам.

Инициированное девелопером (инициирующий актор, адресант) появление строительного забора в непосредственной близости от жилого дома на месте, где в перспективе планировался школьный стадион, запускает коллективную конфликтную реакцию со стороны жителей соседних домов (воспринимающий актор, адресат) только тогда, когда они интерпретируют этот забор как сигнал запуска «точечного» строительства, к школе отношения не имеющего (триггерная ситуация) [K1].

1 Brand Analytics. «Как изменились соцсети в марте 2022 года». URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-march-2022/>

Но свойствами неопределенности и неприемлемости, то есть триггерным потенциалом обладают не только действия в отношении «присвоенных» горожанами объектов, но и процедуры по реализации прав жителей на общественное участие: отказ в сотрудничестве или взаимодействии, недопуск/неприглашение оформившейся группы пользователей — противников изменений к обсуждению/презентации проекта, отсутствие информирования о проекте, полноценных переговоров, указание на недостаточный статус, компетентность или авторитет участников, стремящихся разрешить проблему.

Интерпретация изменений как дестабилизирующих не всегда прогнозируема и может стать реакцией горожан даже на рутинные, с точки зрения специалистов, действия. Плановый снос (в перспективе замена) старых деревьев во дворе по причине их возраста и аварийности без должного информирования может быть воспринят жителями как прямая или косвенная угроза подготовки строительной площадки под точечную застройку.

Общественная реакция на триггер как перспективу городского конфликта всегда проявляет себя через публично оформленные эмоции: недовольство жителей, зафиксированное в социальных сетях, местной прессе или эмоции вкупе с активными действиями в режиме «спора» — от писем в прокуратуру до режима «сцены» нелегитимных митингов и блокирования проездов к месту строительства спецтехники. Однако реакция на триггер может допускать и деэскалирующий эффект. Воплощение такого эффекта может быть достигнуто посредством опросов или сбора подписей, когда на первом этапе действия расцениваются как «выход негативных настроений», а на завершающем могут быть приняты как реальный аргумент к деэскалации и затуханию конфликта, переопределения ситуации как приемлемой.

Несмотря на то что детальное соотнесение режимов оправдания сторон в инициируемом конфликте авторам статьи еще предстоит, предварительный анализ риторики в отобранных из массива данных конфликтах с «зеленой» (экологической) повесткой показывает, что наибольшие тревоги горожан — адресатов триггеров связаны с выходом ситуации на пределы привычного и усвоенного: необратимостью изменений; разрушением привычности, эстетики места; в градостроительных конфликтах — с беспокойством усиления давления на существующую социальную инфраструктуру, качеством и рисками эксплуатации жилищно-коммунального комплекса, выражаемую через риторику безопасности; перспективой общего снижения качества жизни через потерю важных городских ресурсов. Поэтому уже в условиях триггерной ситуации со свойственным ей языком отрицания и эмоций запускается процесс поиска приемле-

мости между сторонами: уточняются позиции адресантов, заявляемые ими проблемы переводятся на «нормативный» и «технический» языки, трансформируются в вопросы законности создания/функционирования объектов и целесообразности их функционирования для тех или иных групп горожан или решения поставленных задач.

На тенденцию апелляции жителей к нормативным стандартам справедливости указывали и Тевено с Болтански [Хархордин 2007: 36]. В контексте драматургии конфликта это выглядит как стремление отчасти преодолеть несводимость друг к другу стандартов справедливости, то есть перевести «сцену» в «спор», объединившись в один мир. Однако используемые аргументы горожан как адресантов триггеров резонируют не столько с риторикой рынка (например, девелоперов), сколько претендуют на созвучность с риторикой органов власти, которые стабильно воспринимаются жителями как арбитры или ресурс для решения проблемы. Взаимодействие по проблеме начинается с «обращений», «жалоб» в органы исполнительной, судебной или законодательной власти. Механизмы влияния на структуры власти институционально устойчивы и понятны. Реакция на триггер в виде протеста или блокирования техники происходит уже в условиях стремительно разворачивающихся триггерных ситуаций. Болтански и Тевено определяют такие действия, как разоблачение или обесценивание позиций другой стороны, что позволяет расширить сферу выражения несогласия [Болтански и др. 2013: 334].

В случаях сохранения режима «спора» адресанты скорее стремятся к эквивалентности режимов коммуникации, даже если их требования с позиций «власти» и «рынка» кажутся последним неадекватными.

«Хотим, чтобы наш лес никаким образом не был порублен. Если вдруг эта комплексная застройка будет осуществлена, пострадает весь жилой массив. У нас на Шлюзе нет спортивного комплекса, нет места, где могла бы отдохнуть молодежь. Наша жемчужина — лес. Кроме того, если будет построен очередной многоквартирник, у нас еще острее встанет вопрос парковки автомобилей, а наши квартиры в старых домах резко упадут в цене» [И1].

Анализ кейсов показывает, что триггерные ситуации могут возникать на разных этапах конфликта, продвигая его по ступеням эскалации. Динамика конфликта позволяет выделить последовательно формирующиеся типы: *триггер риска, манифестирующий и эскалирующий триггеры.*

Внезапно произошедшее в городе одиночное событие редко становится триггером, исключая чрезвычайные происшествия социального, природного и техногенного характера, коллективно определяемые общественностью как «трагедия». В большинстве случаев триггерному событию предшествуют ряд иных источников напряжения или событий, которые можно определить, как *триггеры риска:*

факторы или события, способные оказать влияние на общественные настроения и устойчивость системы управления на латентной стадии конфликта.

Информация о списании мэрией значительных долгов за аренду земли крупной строительной компании сама по себе может не привести к городскому конфликту и стать триггером риска. Но в условиях понижения качества жизни горожан или деградации городской среды, когда недостаток ресурсов для развития города становится критическим и очевидным, эти действия могут стимулировать рост негативных общественных настроений, публичную критику муниципальных органов власти [К2].

Вероятность перехода в открытый конфликт увеличится в случае обострения социальных проблем одновременно в разных мирах: на застроенных территориях в «пространствах жизни» горожан, открытой конкуренции политических и экономических групп в публичной сфере. В этом случае несколько триггеров риска могут накладываться друг на друга, усиливая социальную чувствительность и повышая вероятность трансформации одного из них в манифестирующий триггер.

Таковым может стать публично обозначенное событие или ряд связанных событий (информация об изменении правил, действия по началу реализации проекта, информация о банкротстве строительной компании и пр.), которые вызывают открытую негативную или противоречивую общественную реакцию и влекут за собой ответные конфликтные действия. Поскольку эти события касаются людей, имеющих опыт и компетентности разных миров, они легче вовлекаются в оспаривание приемлемости испытаний, в которые они вовлечены [Болтански и др. 2013: 337].

Неприятный запах от городского полигона твердых коммунальных отходов вызывает недовольство жителей, отражаемое в новых медиа, местных СМИ и через поток индивидуальных и коллективных жалоб в органы власти с требованием принятия мер (триггерная ситуация). Его длительное сохранение или усиление в условиях климатического отклонения — жары или чрезвычайного происшествия (триггерный фактор), отсутствие приемлемой для горожан реакции со стороны органов муниципальной власти (триггерный фактор) в совокупности выражаются в «повышении ставок» публичной активности: горожане обращаются к президенту России с просьбой закрыть свалку или расселить их дома, к руководителю Следственного комитета России с просьбой проверить законность бездействия мэрии [К3] [К3: Малыгина против горящей свалки, 2022].

Однако сам факт манифестирования конфликта не останавливает формирование триггеров, а скорее стимулирует их появление, особенно в том случае, если акторы-адресаты обладают техническими и организационными ресурсами, мобилизационным потенциалом. Возникает феномен *эскалирующего триггера*, когда триггерными свойствами наделяются конфликтные действия одной или обеих сторон,

реакция на которые позволяет конфликту делать следующий «рыжок», выводя его на новую ступень эскалации или задавая ему новый вектор.

Манифестирующим триггером резонансного новосибирского конфликта стал снос группы елей на одной из центральных улиц города. Протестующие жители окрестных домов обратились в мэрию с требованием отменить это разрешение. Начальник главного управления благоустройства и озеленения мэрии Иван Митряшин заявил протестующим, что «никакие вопли жителей в расчет приниматься не будут, потому что есть специалисты (которые приняли решение о сносе. — Прим. авт.)». Это заявление резко увеличило количество публикаций о конфликте в СМИ и соцсетях, переводя конфликт из бытовой и градостроительной в гражданскую и политическую плоскость. Через несколько дней чиновник был снят с должности [К4].

Вариантом эскалирующего триггера может стать дистанцирование от проблемы или отказ от соучастия стороны акторов, наделенных полномочиями или ресурсами конфликторегулирования, например, отказ органов власти от посредничества или арбитражирования конфликта, их бездействие, с точки зрения жителей, отрицание ими факта нарушений.

204

«Население возмущено, что наши запросы в прокуратуру по всем вопросам имеют один результат: “Всё в рамках закона”... Депутаты поддержали население, но оказалось, что все документы подписаны и повернуть строительство коллектора назад почти невозможно» [И2].

Другим вариантом эскалирующего триггера могут стать рассогласование действий органов власти в проектировании изменений на территориях. *«Уровень опасений зашкаливает и ситуация мерзкая. В двух разных документах одновременно кто-то в мэрии подгоняет участок под жилую застройку, пока другой департамент мэрии планирует рядом парк», —* говорит координатор новосибирского общественного движения по защите городской среды от точечной застройки [И3].

Формирование триггерных ситуаций и последующее разрастание конфликта усиливает риски приватизации «голоса» всего сообщества активными группами жителей, вовлеченными в конфликт. Это требует новых неординарных решений по осуществлению общественного консультирования, выделению и пониманию всего спектра позиций пользователей территории.

Режимы формирования триггеров городских конфликтов

Многообразие триггеров на разных динамических отрезках должно быть дополнено определением их предметных различий. Эмпирический материал позволил выделить четыре основных режима, способствующих формированию триггеров, провоцирующих городской конфликт (см. табл. 1):

— *инвестиционный*, вызванный планами, процессом или результатами реализации инвестиционных градостроительных проектов, а также работой коммерческих предприятий или компаний. Ключевым критерием здесь является освоение, привлечение или выгодное размещение инвестиций;

— *институциональный*, вызванный кризисом/дисфункцией или изменениями структуры городских институтов и институций, установленных отношений, образа действия: небуранный снег, пыльные улицы, переполненные поликлиники и школы;

— *нормативный*; строго говоря, этот режим — органическая часть институционального, но часто выступает как самостоятельный режим или объект оспаривания и управленческого воздействия: изменение законов или узаконенных норм городской жизни, распоряжений, продуцируемых органами власти разного уровня. Среди них: утверждение нового генплана города, постановление о создании в городе особо охраняемых природных территорий;

— *ценностный*; характеризуется действиями, часто ответными, направленными на утверждение, отмену или изменение тех или иных ценностей. Среди них: установка памятников «одиозным», по мнению части горожан, историческим личностям; недопустимые с гражданских или религиозных позиций художественные выставки, спектакли и кинопоказы.

205

Таблица 1. Режимы формирования триггеров в конфликтах Новосибирской агломерации (число триггеров, процентное соотношение)
Formation modes of triggers in conflicts in the Novosibirsk agglomeration
(number of triggers, percentage)

Режим	Институциональный	Нормативный	Инвестиционный	Ценностный
Число триггеров	72 (37,6%)	8 (4,2%)	81 (42,5%)	30 (15,7%)

Наиболее конфликтогенерирующие в Новосибирске — *инвестиционные режимы*, а наиболее конфликтогенная отрасль экономики — строительство (см. табл. 2). Из них почти половина возникает в сфере строительства жилья, остальные в относительно равных пропорциях распределяются между строительством коммерческой недвижимости, транспортной инфраструктуры, социальных объектов, мусорных полигонов. Значительная доля триггерных ситуаций инвестиционного типа — маркер интенсивности развития городской агломерации. Одна-

ко в последние годы в Новосибирске число триггерных ситуаций смещается в сторону увеличения триггеров институционального типа. Это свидетельствует о наличии системных проблем в сферах городского хозяйства и управления, особенно тех аспектов, которые значимы для горожан, что они и демонстрируют конфликтной реакцией на триггер.

Таблица 2. Сферы городской жизни, инициирующие триггеры публичных конфликтов (число случаев)¹
Areas of urban life that trigger public conflicts (number of cases)

Сфера	Управление/нормы	Промышленность	Торговля и услуги	Строительство	Благоустройство	Культурные ценности
Число триггеров	47/13	2	8	71	31	32

206

Анализ триггерных ситуаций инвестиционного типа показывает, что наибольший триггерный потенциал свойственен первым шагам по опубличиванию проекта. Они делают его «видимым» для пользователей места. Информация о возможном начале крупного строительства (покупке участка, наличии и/или инициировании инвестиционного проекта, его презентация, объявление результатов конкурсов) — 68,7 % от всех триггерных ситуаций этого типа; первые открытые действия начала строительства (подготовка строительной площадки, снос, демонтаж имеющихся на территории объектов) — 15,6 %, сам процесс строительства (шум, сверхинтенсивное использование внутриквартальных проездов и дорог) — 10,9 %, результаты строительства в виде новых объектов, неявного назначения — 7,8 %.

Больше трети институциональных триггеров также связано со сферой строительства и ее управлением. Это процедуры и практики перезонирования участков под застройку, выдачи с нарушениями разрешений на строительство.

Триггерным потенциалом обладают действия нормативного характера, инициируемые органами власти разного уровня, включая публичные запреты и отказы, изменения в нормативных документах. Стоит отметить, что на собственно нормативные триггеры приходится только чуть более 4% конфликтов. Возможно, это связано со слабой легитимацией конфликтов.

1 Ряд триггеров, возникая, могут затрагивать несколько сфер экономической, социокультурной жизни города, управления.

Триггерные ситуации ценностного характера встречаются значительно реже, чем инвестиционные и институциональные, однако им свойственен наиболее высокий резонанс в СМИ. В среднем на один ценностный конфликт приходится 35 публикаций, тогда как на инвестиционный и нормативный — 26 публикаций. Высокая резонансность таких конфликтов, предположительно, объясняется тем, что они являются для наблюдателей «лакмусовой бумагой» общественных настроений, демонстрируют расстановку сил в борьбе за утверждение конкурирующих ценностей в городской среде. Чаше общественную реакцию вызывают события, где, по мнению информантов, актуализируются гражданские ценности (право на свободу высказывания, свободу творчества, на участие в принятии решений и т.п.), реже — религиозные и этнические. Логика мобилизации здесь строится по иным схемам. Во-первых, адресаты-реципиенты формируются не по признаку локализации на территории города, а кооптируются из общегородских групп интересов и сопричастности [Willmott 1986]; высока вероятность раскола и противостояния в отношении предмета конфликта внутри городского сообщества и сетевой поддержки конфликтных групп резидентами других городов, разделяющими те или иные ценности и миры, а также поддержание их устойчивости, в том числе через возобновление конфликта или символической памяти о конфликте.

207

Конфликт вокруг запрета оперы «Тангейзер» в Новосибирском оперном театре стал одним из самых резонансных в истории российских городских конфликтов. Он упоминался в СМИ более 25 тысяч раз. Подавляющая часть публикаций пришлась не на местные, а на федеральные СМИ. По количеству публикаций в федеральных СМИ «Тангейзер» превзошел конфликт вокруг шихана Куштау и сопоставим с конфликтом вокруг строительства мусорного полигона близ станции Шиес. Интерес к нему сохранился спустя годы — только в 2022 году он упоминался в основном в материалах федеральных СМИ более 500 раз [K5].

Особняком стоят триггеры — чрезвычайные ситуации, к которым можно отнести гибель детей, затопление территорий, заболевания, а также резонансные события криминального характера (6,3 % от общего числа).

Триггеры в социальной сети

Социальные сети — пространство, с позиций конфликтогенерирования наиболее перспективное, поскольку слабо цензурируется, контент легко приобретает «вирусность» и тиражируется. Источником «раздражения» и реакцией на него способны стать публикации и комментарии как на персональной странице пользователя, так и в социальных медиа с миллионами подписчиков.

Основной инструмент взаимодействия в социальных сетях — пост, размещенный пользователем в блоге, микроблоге или форуме — публичном сообществе, с целью получения паблицитного капитала. Постом-триггером становится сообщение, размещенное в социальных сетях и вызвавшее высокий интерес аудитории (индекс ERpost)¹. Оно потенциально способствует запуску действий, реакций или событий в онлайн- и офлайн-среде. Пост в сети может одновременно быть реакцией на триггер и обладать триггерным потенциалом, вызывая реакцию в сетевом сообществе.

Тип паблика и количество его подписчиков определяют границы триггерного воздействия, а оно, в свою очередь, — границы предполагаемого конфликта. В ходе исследования из 191 конфликта, зафиксированного системой мониторинга Scan-interfax, были отобраны 25, где в качестве каналов коммуникации участниками конфликта использовались три типа групп одновременно: собственная группа (часто закрытая), локальная/районная и городская/региональная (открытые) группы. Первые два типа пабликов могут инициироваться акторами конфликта, формировать сообщества на основе собственной группы в социальной сети (внутренняя вовлеченность); третий тип группы обладает характеристиками СМИ (количество подписчиков в них более 3000). Из выделенных 25 конфликтов с помощью системы аналитики Popsters были выявлены 77 публикаций/сообщений-постов с наиболее высоким коэффициентом вовлеченности (ERpost) из представленных во всех трех типах групп. Они получили самые высокие охваты аудитории (число реакций на контент, совершенных одним среднестатистическим подписчиком) и стали триггером городского конфликта. Уровень вовлеченности из общей совокупности постов-триггеров определяется следующими показателями: высокий — индекс не менее 13 (что соответствует не менее 100 тыс. просмотров, не менее 1000 реакций: лайков, комментариев, репостов), средний (индекс от 13 и не менее 5: от 20 тыс. до 100 тыс. просмотров, не менее 300 реакций), показатели ниже 5 — низкий уровень вовлеченности. Анализ содержания отобранных постов-триггеров позволил разделить их на четыре основных типа (см. табл. 3).

Первый тип триггера — сообщения, призывающие к активным реальным действиям с выходом офлайн, или же репортаж о реальных происшествиях (19 постов). Так, пост о массовой проверке документов прихожан в конфликте против строительства мечети набрал

1 Индекс сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей (Popsters) показывает, насколько активно аудитория взаимодействует с контентом аккаунта, и рассчитывается по формуле $ERpost = (\text{лайки} + \text{репосты} + \text{комментарии} + [\text{дизлайки для YouTube}]) / \text{кол-во подписчиков}$.

106 тыс. просмотров. Данные о высоких охватах аудитории сообщений таких типов имеют острый триггерирующий эффект, провоцирующий или эскалирующий конфликт, что и было зафиксировано в большинстве исследуемых случаев. Однако в общем массиве данных выделены 4 поста-триггера, обладающие потенциальным деэскалирующим эффектом, смягчающие конфликт: информация о действиях жителей, например, расчистке территории. Но вовлеченность пользователей здесь в два раза ниже. Самый популярный пост о вывозе мусора из лесопарка набрал 46 000 просмотров.

Таблица 3. Типы постов-триггеров в социальных сетях
Types of Social Media Trigger Posts

Тип поста-триггера	Призыв к действиям/репортаж с места событий	Поиск решений/выражение мнений	Публикации документов, решений, медиаматериалов	Высказывания лидеров общественного мнения, их визиты или намерения	Иное
Содержание сообщения	Призыв и информация о событии: митинге, пикете, акции протеста, забастовке, голодовке, призыв к открытому конфликту, вывоз мусора	Тесты, опросы, сбор подписей, подготовка и размещение обращений, мотивационных текстов в поддержку или против	Фотографии, документы: иски, приговоры, экспертизы, решения, тендеры, аукционы, бланки, инструкции и т. д.	Цитата из публичной речи, высказывание на совещании, собрании, в СМИ	Промежуточные этапы по достижению целей конфликтующих
Кол-во постов	19 (24,7%)	11 (14,3%)	25 (32,5%)	13 (16,8%)	9 (11,7%)

Примеры эскалирующего и деэскалирующего постов-триггеров второго типа — сбор подписей против сноса дома известного рок-музыканта 1980-х годов Янки Дягилевой, инициированный сложившимся в сетях активным сообществом, и итоги переговоров мэрии с инициативной группой по превращению ее дома «под снос» в музей. Они также собрали непропорциональное число реакций: сообщение о музее собрало 7251 просмотр, а пост о сборе подписей против сноса — 242 502 просмотра.

Самый популярный тип постов-триггеров (третий тип) — публикация документов, медиаматериалов для придания гласности, опубликование решений чиновников, результатов приговоров, экспертизы, документации на закупки (25 постов). Нейтральное обсуждение возможности временного транзита грузового транспорта через один из микрорайонов был остро эскалирован решением губернатора об отказе в установлении границ охранной зоны (328 090 просмотров).

Четвертый тип поста-триггера: онлайн- и офлайн-активность лидеров общественного мнения. Обращение депутата на основе мнения жителей к губернатору по вопросу строительства мусорного полигона набрало 206 000 реакций. Количество публикаций такого типа, преодолевших 100 тыс. просмотров, — 6 из 13.

Встречаются случаи, когда потенциально конфликтная ситуация и пост о ситуации меняются местами. Пост до события становится популярным после случившегося, и само его наличие формирует или обостряет ситуацию, превращая ее в триггер. Такие посты часто встречаются на персональных страницах политиков, лидеров общественного мнения, чиновников. Например, заявление о недопустимости точечной застройки становится популярным, когда новый объект такого типа вводится в эксплуатацию с присутствием на торжественных мероприятиях чиновника, ранее осуждавшего проекты такого типа.

Общий анализ показал, что отдельная публичная группа физического лица или сформированного в социальных сетях сообщества даже при условии отсутствия статуса зарегистрированного СМИ, но при высоких охватах аудитории способна влиять на ход течения конфликта и его исход. А пост-триггер в условиях конфликта — менять систему информирования, мобилизации, поддержания структуры сетевой группы в конфликте.

Влияние типа триггера на исход конфликта

В отличие от триггерной ситуации, исход публичного конфликта нечасто попадает в фокус внимания СМИ. Исчерпавшая себя кризисность ситуации далеко не всегда интересна медиа. Часть

конфликтов сохраняет открытый характер, и исходы отсутствуют. Поэтому для анализа были отобраны только завершившиеся 154 конфликта, в отношении которых исходы удалось реконструировать.

Вопреки расхожим представлениям, что в публичных конфликтах горожане почти всегда проигрывают, на полное или частичное удовлетворение требований протестующих приходится более 30% всех исходов конфликтов. И именно конфликты, вызванные реакцией жителей на инвестиционный проект, оказываются для горожан особенно результативными (см. табл. 4).

Инвестиционные триггеры стимулировали возникновение более половины тех конфликтов, где требования протестующих были удовлетворены, хотя в случаях с исходом «проблема не решена, затухание конфликта» их доля почти не отличается от другой значимой группы триггеров — институциональных. А вот шансов добиться своих целей в конфликтах с ценностными триггерами у инициаторов конфликта почти нет.

Таблица 4. Исходы завершившихся городских конфликтов
Outcomes of completed urban conflicts

211

Исход конфликта:	Инвестиционный	Институциональный	Ценностный	Нормативный	Всего
Требования инициаторов удовлетворены	27	18	3	0	48 (31%)
Проблема не решена, затухание конфликта	30	34	11	2	77 (50%)
Нейтрализация с помощью административных мер	3	3	7	0	13 (8,5%)
Проблема не решена, силовое решение	4	1	3	0	8 (5,2%)
Проблема урегулирована за счет взаимных уступок	1	0	2	0	3 (2%)

Проблема решена путем переговоров	3	2	0	0	5 (3,3%)
Всего	68 (44%)	58 (37,7%)	26 (16,8%)	2 (1,5%)	154

Анализ случаев показывает, что частные инвесторы (большая часть инвестиций — частные) гораздо более гибкие в выполнении требований протестующих, чем органы власти, особенно если не опираются на безусловную поддержку последних. Они могут изменять границы обсуждаемой повестки, брать больше обязательств на ее периферии и гораздо быстрее проходить бюрократические процедуры. Однако такой тип переговоров часто остается за пределами публичного информационного поля. Вероятно, остановить процесс инвестирования проще, чем запустить процесс преодоления ценностных противоречий или трансформации управленческой культуры и структур.

212

Думается, что причина этого кроется в сформировавшейся культуре и качестве разрешения или урегулирования конфликтов. Это показывает разбор ситуаций, в которых «требования адресантов были удовлетворены». Замечена тенденция: вероятность отмены проекта (негативная цель — ориентация на избегание нежелательных будущих состояний) инвесторами выбирается чаще, чем его изменение и доработка с учетом интересов горожан (позитивная цель — достижение осознанно желательных будущих состояний). Типовой сценарий большинства случаев: протестующие требуют принципиальной отмены реализации проекта в защищаемом месте, и их требования удовлетворяются. В результате в большинстве случаев проекты либо не были реализованы вообще, либо (что реже) была предпринята попытка их реализации в другом месте.

Всего в двух проектах принципиальные требования протестующих были учтены, однако в обоих случаях они не были направлены на отмену всего проекта, а выдвигались некоторые условия, при которых его реализация допустима. Еще два инвестиционных конфликта решены за счет переговоров или взаимных уступок.

Резонансный конфликт вокруг сноса Дома спорта и клуба «Отдых» на улице Богдана Хмельницкого и строительства на его месте высотного жилого комплекса отчасти удалось дезэскалировать за счет ряда уступок со стороны застройщика. Он согласился понизить этажность домов, привести их цветовую гамму в относительное соответствие с архитектурным обликом места, а также пообещал профинансировать строительство муниципального спортивного комплекса взамен снесенного [К6].

На исход конфликта влияет и масштаб инвестиций. Выделение крупных бюджетных средств увеличивает перспективы использования силовых стратегий адресантами в конфликтах. Но если проект реализуется поэтапно, и протест сфокусирован на противостоянии его отдельному фрагменту (этапу) — это повышает вероятность внесения изменений в проект.

Самый низкий процент положительных для протестующих исходов свойственен ценностным режимам формирования триггера в конфликтах с негативными целями: только один закончился полным удовлетворением требований протестующих — отмена строительства мечети в микрорайоне Родники, против которой массово выступили местные жители. Один случай — требования удовлетворены частично: бюст Сталина установили не на общественной, а на частной территории отделения партии КППФ.

Почему у протестующих мало шансов на успех в «ценностных» конфликтах? Мы предполагаем, что конфликты с ценностно нагруженной повесткой обладают высоким потенциалом политизации. Поэтому органы власти предпринимают активные и однозначные действия по их нейтрализации. Одновременно у них низкие перспективы и потенциал разрешения, поскольку конфликтующим свойственно ужесточение позиций.

213

Стоит отметить, что высокая резонируемость части медийной аудитории ценностным триггерам позволяет конфликту быстро выйти за пределы не только города, но и региона. Поэтому такие потенциально триггерирующие проекты требуют особых компетенций при конфликтологическом сопровождении.

Анализ динамики случаев показал, что переговорные практики согласования интересов горожан и инициаторов изменений перспективны на предконфликтных этапах, в ходе работы по преодолению триггеров-рисков. Манифестирующий триггер существенно ужесточает позицию адресатов, фокусирует ее на одном аспекте проблемы и резко понижает доверие к адресанту. Дольше всего «окно возможностей» сохраняется для участия в регулировании ситуации судебными органами государственной власти, однако в этом случае согласование интересов сторон уходит на задний план, фокусируя стороны на определении выигравшего/проигравшего.

Заключение

Наше исследование показало, что реакция на триггер во многом определяет и характер развертывания конфликта. Характер и режимы формирования триггеров, триггерных ситуаций позволяют прогнозировать логику развития городского конфликта, отчасти оценить вероятность того или иного исхода. Сама логика и драма-

тургия триггерирующей ситуации наглядно демонстрирует значимость первых действий в конфликте. Они определяют его дальнейший сценарий, уровень резонанса и потенциал вовлечения в конфликт новых групп акторов. Чем чаще в конфликте возникает эскалирующий триггер, тем меньше вероятность установления эквивалентности, шансов перейти от критики к компромиссам — акторы уже сделали в него эмоциональные и материальные инвестиции.

Содержание исходов показывает, что на публичном уровне доминируют стратегии уступок, отмены проекта или силовых решений, но крайне редко используются открытые коммуникации между сторонами, направленные на поиск совместного решения, что тормозит легитимацию таких практик и формирование культуры конфликторазрешения и регулирования в городской среде.

В городских конфликтах российских мегаполисов преобладает «игра с нулевой суммой», в которой в лучшем случае победитель получает все, а в худшем — никто не получает ничего. Часто выигрывает тот, кто способен показать больший триггерирующий потенциал — значительную силу «голоса» или другие ресурсы, способные заставить оппонента отступить, испугавшись эскалации и новых рисков.

Но работают ли такие конфликты на развитие городов? Ведь отказавшийся от проекта инвестор не приносит налоговые деньги в городской бюджет, а перенос проекта увеличивает риски новых городских конфликтов, что наблюдается сегодня в Новосибирске в сфере выбора места и строительства новых мусорных полигонов. В долгосрочной перспективе регулярные срывы инвестиционных проектов вредят деловой репутации города, что не может не сказаться на его развитии.

Конфликт является неизбежным аспектом развития и изменений в городских условиях, но важный вопрос заключается в том, как и куда разворачивается его вектор: деструктивно через насилие или более конструктивно через те или иные формы участия и дебаты. По мнению Л. Тевено и Л. Болтански, профилактика насилия в конфликтах такого типа — внимание к общему для участников конфликта определению соответствующих ситуации объектов, степени их уместности и релевантности [Болтански и др. 2000: 68]. Только через нормативно закрепленные и прозрачные процедуры согласования интересов, посредничество референтных для субъектов фигур, процессуально и содержательно ясное арбитражное «сцена» трансформируется в «спор». В противном случае группы будут бросать вызов легитимности, авторитету и дееспособности городских органов власти, что в некоторых случаях может привести к насилию, озаглаживает собой разрыв локального общественного

договора и по мере ослабления общественной вовлеченности может негативно влиять на качество городских пространств, инфраструктуру [Graham 2009]. Будучи часто по своей природе асимметричным, урегулирование городского конфликта требует внимания к поддержанию и воспроизводству сформировавшихся локальных социальных порядков [Флигстин 2022], сетей и связей, разрушение которых резко увеличивает вероятность насилия.

Список информантов и кейсов¹

И1. Кейс: Вырубка леса на ул. Сиреневой, 2013–2018; жительница микрорайона «Шлюз», участница пикета в защиту «Шлюзовского леса».

И2. Кейс: Лесопарк имени Синягина, 2018–2020; один из лидеров локального оборонительного сообщества, организатор митинга в защиту Лесопарка им. Синягина.

И3. Кейс: Застройка поймы реки Каменки на улице Лежена; координатор городского общественного движения.

К1. Кейс: Строительство бизнес-центра на территории лицея «Надежда Сибири», 2018–2020.

К2. Кейс: Задолженность компании «Дискус» перед городским бюджетом, 2016–2022.

К3. Кейс: Жители улицы Малыгина против горящей свалки, 2022.

К4. Кейс: Вырубка елей у здания Западно-Сибирской железной дороги, 2013.

К5. Кейс: Православные активисты против оперы «Тангейзер», 2015.

К6. Кейс: Снос Дома спорта и клуба «Отдых», 2016.

215

Библиография / References

Бедерсон В., Шевцова И. (2021) Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 285–300.

— Bederson V., Shevtsova I. (2021) Builders, the ruling party and some competition in Russian millionaires: a typology of urban regimes in the 2010s, *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2): 85–300. — in Russ.

Блинкин М. Я., Воробьев А. Н. (2018) Городское движение и планировка городов, *Городские исследования и практики*, 3(2): 17–26.

¹ На основе данных зарегистрированной «Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK», свидетельство на программу для ЭВМ № 2021622760 от 02.12.21, URL: <https://conflictsnsk.ru/>

— Blinkin M.Ya., Vorobyov A. N. (2019) Urban traffic and city planning, *Urban Research and Practice*, 3(2): 7-26. — in Russ.

Болтански Л., Тевено Л. (2000) Социология критической способности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, (3) 3: 66-83.

— Boltanski L., Théveno L. (2000) Sociology of Critical Ability, *Journal of Sociology and Social Anthropology*. (3) 3: 66-83. — in Russ.

Болтански Л., Тевено Л. (2013) *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии городов* / пер. с франц. О. В. Ковенева; под науч. ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение: 576.

— Boltanski L., Theveno L. (2013) *Criticism and justification of justice: essays on the sociology of cities* / transl. from French O. V. Koveneva under scientific. ed. N. E. Koposova. Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Клеман К. (ред.) (2013) *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому*, М.: Новое литературное обозрение: 544 с.

— Clement K. (ed.) (2013) *Urban movements in Russia in 2009–2012: on the way to the political*. Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Дейк Т. Ван (2013) *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации* / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Книжный дом «Либроком»: 344.

— Dyck T. Van (2013) *Discourse and power: representation of dominance in language and communication* / transl. from English. E. A. Kozhemyakina, E. V. Pereverzeva, A. M. Amatova. Moscow: Knizhny dom “Librokom”. — in Russ.

Еременко Ю. А., Жаворонкова З. А. (2021) Эмоциональные триггеры внимания и запоминаемости визуального политического контента, *Вопросы политологии*, 1 (65): 130-139.

— Eremenko Yu. A., Zhavoronkova Z. A. (2021) Emotional triggers of attention and remember of visual political content, *Issues of political science*, 1 (65): 130-139. — in Russ.

Желнина А. А., Семенов А. В., Тыканова Е. В. (2022) Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 49-71.

— Zhelnina A. A., Semenov A. V., Tykanova E. V. (2022) The Methodology for Studying Urban Conflicts: Levels of Scaling, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 5: 49-71. — in Russ.

Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2021) «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы), *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 205-222.

— Zhelnina A. A., Tykanova E. V. (2021) “Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow), *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2): 205-222. — in Russ.

Паченков О., Воронкова Л. (2021) «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга), *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 253-268.

- Pachenkov O., Voronkova L. (2021) "New Urban Activism" and "Public Policy" in Russia (case of Saint Petersburg), *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2): 253-268. — in Russ.
- Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н., Чудинов А. П. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ, *Язык и культура*, (50): 99-114.
- Ruzhentseva N. B., Koshkarova N. N., Chudinov A. P. (2020) Triggers in the discourse of power and their reflection in the media, *Language and Culture*, (50): 99-114. — in Russ.
- Скалабан И. А. (2021) Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска), *Caucasian Science Bridge*, 4 (14): 138-142.
- Skalaban I. A. (2021) Community analysis tools in urban conflicts (on the example of Novosibirsk), *Caucasian Science Bridge*, 4 (4): 138-142. — in Russ.
- Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. (2022) Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска), *Мир России*, 31 (4): 33-56.
- Scalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu. S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk), *Mir Rossii*, 31 (4): 33-56. — in Russ.
- Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С., Волченко С. Ю. (2022) Курок конфликта. Триггер: опыт концептуализации и категоризации, *Society and Security Insights*, 5 (3): 66-86.
- Skalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu. S., Volchenko S. Yu. (2022) The Trigger of Conflict. Trigger: Experience of Conceptualization and Categorization, *Society and Security Insights*, 5 (3): 66-86. — in Russ.
- Флигстин Н., Макадам Д. (2022) Теория полей, *Экономическая социология*, 23 (1): 60-92.
- Fligstin N., McAdam D. (2022) Field theory, *Economic sociology*, 23 (1): 60-92. — in Russ.
- Хархордин О. В. (2007) Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено, *Социологические исследования*, 1: 32-42.
- Kharkhordin O. V. (2007) Pragmatic turn: sociology of L. Boltanski and L. Thevenot, *Sociological research*, 1: 32-42. — in Russ.
- Юмашев А. В. (2018) Триггерная концепция стресса: роль стресса в этиологии и патогенезе психосоматических нарушений, *АНИ: педагогика и психология*, 23(2): 441-445.
- Yumashev A. V. (2018) Trigger concept of stress: the role of stress in the etiology and pathogenesis of psychosomatic events, *API: Pedagogy and Psychology*, 2(23): 441-445. — in Russ.
- Bhavnani R., Reul M. (2019) *The Morphology of Urban Conflict. Global Challenges: New Grammars of War: Conflict and Violence in the 21st Century Issue*, Geneva Graduate Institute, 5. URL: <https://globalchallenges.ch/issue/5/the-morphology-of-urban-conflict/>
- Boltanski L. (2009) *De la critique. Précis de sociologie de l'émancipation*, Paris.
- Boysen G. A., Wells A. M., Dawson K. J. (2016) Instructors' Use of Trigger Warnings and Behavior Warnings in Abnormal Psychology, *Teaching of Psychology*, 43(4): 334-339.

Cooley C. H. (1897) Genius, Fame and the Comparison of Races, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 9: 317-358.

Herbert S. (2017) *Conflict analysis: Topic guide*. Birmingham. UK: GSDRC, University of Birmingham, URL: <https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2017/05/ConflictAnalysis.pdf>

Jasper J. M. (2021) Linking Arenas: Structuring Concepts in the Study of Politics and Protest, *Social Movement Studies*, 20(2): 243-57.

Mossberger K., Stoker G. (2001) The Evolution of Urban Regime Theory: The Challenge of Conceptualization, *Urban Affairs Review*, 36 (6): 810-835.

O'Neill B. S., Cotton J. L. (2017) Putting the Horse Before the Cart: Understanding the Influence of Trigger Events on Justice Perceptions and Work Attitudes, *Journal of Managerial Issues*, 29 (4): 343-364.

Park R. E. (1915) The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment, *American Journal of Sociology*, 20(5): 577-612.

Ropers N. (2004) *Transforming Ethnopolitical Conflict: the Berghof Handbook*, Berlin: VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden: 466.

Schmid Alex P. (2000) *Thesaurus and glossary of early warning and conflict prevention terms*, Forum on Early Warning & Early Response: 134.

Thévenot L., Jacobs A. (2014) Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: Economies of Worth, On Critique, and Sociology of Engagements, *The Spirit of Luc Boltanski. Essays on the "Pragmatic Sociology of Critique"*, Simon S., Turne B. (eds.), London: Anthem Press: 245-261.

Willmott P. (1986) *Social Networks, Informal Care and Public Policy*, London: Policy Studies Institute, 1986: 134.

Woods R. (1914) The Neighborhood in Social Reconstruction, *American Sociological Society*, (19): 577-591.

Рекомендация для цитирования:

Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. (2023) «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска. *Социология власти*, 35 (1): 190-218.

For citations:

Skalaban I. A., Lobanov Yu. S., Sergeeva Z. N., Volchenko S. Yu. (2023) 'The Level of Fears Is off the Scale!': Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study). *Sociology of Power*, 35 (1): 190-218.

Поступила в редакцию: 18.01.2023; принята в печать: 27.02.2023

Received: 18.01.2023; Accepted for publication: 27.02.2023